

О НАС ПИШУТ

ЖУРНАЛ «ТЕАТР» № 9, 1985 г.
О СПЕКТАКЛЯХ ТЕАТРА-СТУДИИ
НА УЛ. ЧЕХОВА

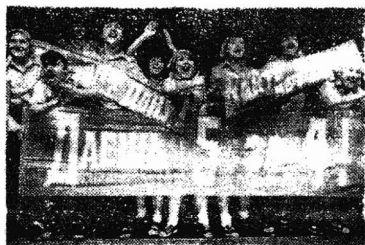
Если суммировать все то, что мы наблюдаем в сегодняшнем любительском театре — и выраженную политическую гражданскую активность, потребность откликаться творчески на животрепещущие вопросы времени, присущую «авпередсмотрящим» в студийном движении, и их приверженность к человеку мечты и душевного горения, и отсутствие усталости взглядом на возможности сцены, что приводит порой к новаторству, которое вчера трудно было бы предсказать, — если собрать все это, поневоле задумаешься о том, а не недооцениваем ли мы эту «симодетельность», не проходим ли мимо чего-то, что способно обогатить наше искусство.

Повесть Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» — о птице, одержимой идеей полета, отдавшей свою жизнь завоеванию высоты ради того, чтобы другие чайки, прежде не отрывавшиеся от поверхности воды, научились свободно парить в воздухе. О первопроходцах, движущих вперед планету, чьим сознательным безрассудством достигается прогресс во всех областях науки, техники, искусства; следя за их подвигам, «распрямляется», духовно растет человек. Во всяком случае так, расширительно, истолковал повесть Баха театр. Но как передать на крохотной сцене подвала эти полеты, взмывания вверх и свержения наземь при неудачах, которые у автора описаны совершенно реально?

выражает мизансцену, когда под круг, которым свободно владеют Джонатан и его ученик и продолжатель Флетчер (А. Шарапанюк), пугливо забиваются все разом еще не раскрепощенные чайки, ниспакрытия от свежих ветров бытия.

О жертвах говорит повзрослевшее представление театра-студии на улице Чехова «О, Русь моя!» В этой повзрослевшей необозримой теме выделено одно лишь звено, театр в данном случае особенно волнующее. А волнует — наше время, бесчисленные варварские набеги на Русь, начиная с орды; волнует пролитая кровь, перенесенные страдания, нечеловеческие усилия...

Тут уж нет «персоналии», никто не выделен: в спектакле

Сцена из спектакля «Всегда театр».

Фото В. СКОКОВА.

Режиссура М. Шепенко не всегда поддается логической расшифровке: не скажешь, почему так, а эквивалент содержания между тем найден. То же и здесь, в «Чайке»: есть центральный станок-круг, чем-то напоминающий центрифугу, тренажер нынешних космонавтов, он то и дело плавно раскачивается, словно от вибрации неведомого летательного аппарата; есть вертикально поставленный матовый круг над ним, воспринимаемый как освещенная солнцем небесная сфера; балансирующему на первом круге Джонатану (С. Прищеп) пластически аккомпанирует хор, а самые лица участников, его составляющих, как бы озарены ликованием при мысли, что стал возможен прорыв в неизведанное.

Но он не только во славу подвига и за взятие барьеров высоты, он еще и против бескрылости, существования на подножном корму, против обыкновенности, пригибающей человека к земле. Лучшее всего это

линия вся ступня, юноши и девушки в строгих черных костюмах, но с открытыми воротами и широкими откидывающимися рукавами — чтобы заговорил живое человеческое тело, чтобы прозвучала патетика вознесенных к небу рук, коленопреклоненных фигур да освещенных фонариками лиц, в которых скорбь, и гнев, и вековое терпение народа, и готовность любой ценой отринуть агрессора.

Эти фонарики, вернее, электрические фонари с длинными ручками... То они факелы, тревожно мелькающие в полутьме, то шарящие по залу прожекторы, то свечи, зажженные перед образом Богоматери, то взятые «под голову» задержанные чины, то, наконец, скрепленные вместе они становятся символом вечного огня, к которому тянутся ладони оплакивающих всех погибших в этой и в других войнах.

По материалам статьи
З. ВЛАДИМИРОВОЙ
«Из любви к искусству».

"Не из нее же"

18.12.85